

ЖОРЕС МЕДВЕДЕВ ● РОЙ МЕДВЕДЕВ

**НИКИТА
ХРУЩЕВ**

Рой Медведев
Никита Хрущев

«WebKniga»

2012

Медведев Р. А.

Никита Хрущев / Р. А. Медведев — «WebKniga», 2012

В очередной том собрания сочинений Жореса и Роя Медведевых вошли книги «Никита Хрущев. Годы у власти» (1975) и «Никита Хрущев. Политическая биография» (2006). Три с лишним десятилетия, разделяющие эти публикации, создают совершенно особый «стереоэффект». В первой книге «Хрущев и его время — это еще живая история, пережитые надежды и разочарования, энтузиазм и горечь, восхищение его смелыми международными и внутренними политическими реформами и возмущение его иногда поразительной неграмотностью в сравнительно простых экономических, сельскохозяйственных и теоретических проблемах. Это обида за то, сколь много мог сделать Хрущев для СССР и всего мира после своего блестящего старта в 1953–1956 году и сколь малым оказался его реальный вклад». Во второй книге эмоции уступают место более спокойному и взвешенному анализу эпохи Хрущева: «Новое поколение советских руководителей было “поколением XX съезда”, и это придает дополнительную важность изучению политической биографии этого, бесспорно, одного из наиболее выдающихся политиков XX века».

© Медведев Р. А., 2012

© WebKniga, 2012

Содержание

Никита Хрущев. Годы у власти	5
Предисловие	5
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жорес Медведев, Рой Медведев Никита Хрущев

Никита Хрущев. Годы у власти

Предисловие

Настоящая книга, несмотря на небольшой объем, является результатом длительной, но периодической работы, начатой еще в 1963 году, когда ошибочная политика Хрущева в области сельского хозяйства привела к серьезному экономическому кризису и к первым за всю историю России и СССР крупным закупкам зерна за границей.

Интерес к различным политическим и экономическим реформам Хрущева возник у меня в связи с работой по истории генетической дискуссии, ставшей основой книги «Подъем и падение Т. Д. Лысенко»¹. У Роя Медведева анализ политики Хрущева был естественно связан с его работой по истории сталинизма «К суду истории»².

Несколько статей о сельскохозяйственных реформах Хрущева были опубликованы Роем и мною в журнале самиздата «Политический дневник», существовавшем в Москве с 1964 по 1971 год.

Наша работа о Хрущеве прервалась, когда в результате обыска, проведенного КГБ в октябре 1971 года у Роя, конфисковали все его архивы по Сталину и одновременно все заметки и материалы о Хрущеве (включая и вырезки из советских газет).

Тем не менее в 1972 году мы смогли возобновить эту работу, используя в качестве основы статьи, сохранившиеся в «Политическом дневнике». Настоящий вариант книги был закончен в 1974 году, причем главы о политике я написал уже в Лондоне и взял на себя ответственность за публикацию всей книги. Это я подчеркиваю не ради приоритета, а просто потому, что, находясь в сфере действия советских законов, Рой более ограничен в своих поступках и не имеет такой свободы в отношениях с западными издательствами, какую имею я, потому что меня лишили советского гражданства и я вынужден жить за пределами СССР.

Окончательный текст книги и особенно переработки, рекомендованные рецензентами, я по техническим причинам (невозможность переслать рукописи в СССР) не мог согласовать с Роем Медведевым.

О Хрущеве на Западе написано довольно много книг и даже несколько биографий. В СССР не только нет работ о нем, но после 1964 года его имя вообще не упоминается в советской прессе. Нет работ о Хрущеве или каких-либо воспоминаний о нем и в самиздате. Эпоха Сталина получила в самиздатской литературе несравненно большее внимание, чем эпоха Хрущева, и если мы имели в распоряжении десятки книг мемуаров, критических эссе, множество неопубликованных документов и других материалов, то ничего подобного о Хрущеве не появлялось после его смещения в 1964 году. Настоящая книга является, по существу, первой книгой русских авторов о Хрущеве, в которой дается анализ его реформ и его политики с точки зрения людей, воспринимавших эти реформы «изнутри».

Личные мемуары Хрущева, опубликованные на Западе в двух томах в разные годы, практически не имели большой ценности для настоящей работы. Хрущев в них описывает прежде

¹ Medvedev Zh. A. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. (Translated by I. M. Lerner) Columbia University Press, 1969. 248 pp.

² Medvedev Roy A. Let History Judge. (Translated by C. Taylor) Alfred A. Knopf, 1972. 566 pp.

всего международных проблемы, свою биографию и политическую карьеру без какой-либо документальной основы, а свои многочисленные ошибки в политике и экономике – без самокритического анализа. Он избегает также анализа своей сельскохозяйственной политики, который составляет существенную часть настоящей книги.

Многочисленные работы о Хрущеве, написанные на Западе, содержат обширный и интересный фактический материал, но все же это взгляд со стороны, это академический разбор событий в другой стране, внутренние механизмы существования которой авторам не всегда достаточно хорошо понятны.

Для нас, авторов этой книги, Хрущев и его время – это еще живая история, пережитые надежды и разочарования, энтузиазм и горечь, восхищение его смелыми международными и внутренними политическими реформами и возмущение его иногда поразительной неграмотностью в сравнительно простых экономических, сельскохозяйственных и теоретических проблемах. Это обида за то, сколь много мог сделать Хрущев для СССР и всего мира после своего блестящего старта в 1953–1956 году и сколь малым оказался его реальный вклад, когда он подошел к неизбежному, при создавшейся в 1963–1964 годах кризисной ситуации, концу своей политической карьеры. Эту атмосферу хрущевского периода, ощущаемую изнутри, нам и хотелось сохранить в данной книге.

Именно поэтому мы решили ограничить свою задачу анализом наиболее важных проблем внутренней политики Хрущева в области сельского хозяйства, а не освещать всех основных событий периода его руководства страной, крайне разнообразных и противоречивых.

Хрущев успешно решил многие сложные задачи и благополучно прошел через труднейшие кризисы. Он разрушил сталинский аппарат террора, провел реабилитацию миллионов жертв прежнего произвола, удалил из руководства страной большую часть лидеров сталинского времени, изменил политическую атмосферу в СССР, оживив надежды на демократизацию. Он открыл многие каналы для сотрудничества с Западом, международные обмены и туризм. Он прекратил холодную войну с Западом и прежде всего с Америкой. Но он в то же время поссорил СССР с Китаем, вызвал раскол в коммунистическом движении, жестоко подавил восстание в Венгрии, дал директиву о строительстве Берлинской стены, об установке ракет с ядерным оружием на Кубе, много раз рисковал, но избежал начала серьезных военных конфликтов. Он блестяще начал эру дорогостоящего соревнования в космосе. Он втянул СССР в слишком активную экономическую и военную политику на Ближнем Востоке, в Африке, в Индии и во многих других странах.

В течение 11 лет Хрущев проявлял инициативу в событиях, которые, по существу, серьезно повлияли на ход современной истории. И он пал на вершине своей международной славы по самой простой причине – из-за деградации сельского хозяйства, быстро разрушавшегося в результате настойчивых попыток его «дальнейшего неуклонного подъема».

В период наиболее активного самиздата (1962–1966 года) советские авторы могли давать первые варианты своих работ в свободное обращение, при котором эти работы привлекали много свежего и оригинального материала и критических замечаний. В настоящее время благоприятных возможностей для этого уже нет. Поэтому авторы рассматривают данную книгу как первый вариант, надеясь, что ее издание поможет собрать новый, уникальный и неизвестный ранее материал о внутренней политике Хрущева и послужит основой для более обстоятельного анализа затронутых проблем в будущем.

Жорес Медведев Лондон, январь 1975

Глава 1

Реорганизация руководства после смерти Сталина. Быстрый конец триумвирата Маленкова, Берии и Молотова и выдвижение Хрущева

Смерть Сталина в начале марта 1953 года создала определенный политический вакуум. В последние годы жизни Сталин не доверял никому из своих ближайших соратников и не оставил никакого политического завещания. Ленин в 1923 году, чувствуя приближение смерти, написал письмо-завещание Съезду партии, дав в нем характеристики окружавших его потенциальных лидеров, но тогда главное в этом завещании – предложение переместить Сталина на менее ответственный пост – не было выполнено. Сталин же вообще не думал о смерти, он как раз готовил новую радикальную чистку руководства партии. На XIX Съезде КПСС в 1952 году узкое Политбюро ЦК КПСС было реорганизовано в широкий Президиум, в состав которого вошли около 30 человек, но ни один из них не мог сказать, что он является наследником Сталина.

Однако после его смерти реальная власть, хотя и временно, оказалась в руках Маленкова и Берии, к которым примкнул также и Молотов. Сталин после войны выступал прежде всего как Председатель Совета министров СССР. Роль партийного аппарата ЦК была уменьшена, и Сталин ликвидировал пост Генерального секретаря, занимая который, он сам когда-то достиг абсолютной власти в стране. Диктаторские функции было удобнее осуществлять не косвенно, как лидеру партии, а прямо, как Председателю Правительства и главе исполнительной власти. Этот пост был предпочтительнее и для руководства всей созданной Сталиным послевоенной империей, а также для международных актов от имени Советского Правительства.

Поэтому именно пост Председателя Совета министров СССР оказался ключевым после смерти Сталина. Руководство партийным аппаратом Сталин проводил через Г. Маленкова, который впервые после 1923 года получил в 1952 году почетную возможность сделать Отчетный доклад на XIX Съезде КПСС.

Берия после смерти Сталина не мог сразу претендовать на главный пост в государстве, так как незадолго до этого он был частично отстранен от власти и уже не контролировал в полной мере карательный аппарат МГБ. Последняя террористическая акция Сталина, известное «дело врачей», была организована по его прямой инициативе и с помощью начальника следственного отдела МГБ М. Рюмина. Это дело было косвенно направлено и против ставленника Берии – министра государственной безопасности В. Абакумова, которого также арестовали, как и друга Берии министра МГБ Грузии Н. Рухадзе. Новый министр МГБ СССР С. Д. Игнатьев был выдвиженцем Маленкова, но он пришел в МГБ из аппарата ЦК и не имел еще возможности очистить МГБ от многочисленных сторонников Берии.

На следующий день после объявления о смерти Сталина было созвано совместное заседание ЦК КПСС, Совета министров СССР и Президиума Верховного Совета СССР, на котором следовало решить вопрос о руководстве страной. Именно по предложению Берии на пост Председателя Совета министров СССР назначили Маленкова. Приняв эту должность, Маленков предложил объединить Министерства внутренних дел и Министерство государственной безопасности и назначить Лаврентия Берия министром МВД. Молотов стал Первым Заместителем Председателя Совета министров СССР, и ему вернули утраченный ранее пост министра иностранных дел. К. Е. Ворошилов, также оказавшийся в последние месяцы в немилости у Сталина, был избран Председателем Президиума Верховного Совета СССР. Одновременно резко сократился состав Президиума ЦК КПСС, в нем осталось только 10 членов: Маленков,

Берия, Молотов, Ворошилов, Хрущев, Булганин, Каганович, Микоян, Сабуров и Первухин. Этот порядок имен по уже понятной всем традиции соответствовал распределению власти.

Вопрос о руководстве ЦК КПСС не был решен на этом заседании, но в тот же день было объявлено, что пленум ЦК КПСС признал необходимым для Н. С. Хрущева сосредоточиться на работе в Секретариате ЦК КПСС. Поэтому Хрущев покинул пост секретаря Московского комитета партии. Он стал как бы главным среди секретарей ЦК КПСС. Но все наиболее важные заседания в этот период проходили под председательством Маленкова. Хотя Хрущев возглавлял комиссию по организации похорон Сталина, речи во время похорон произнесли Маленков, Молотов и Берия. Этих трех человек и в СССР, и за границей считали в то время руководящим триумvirатом.

Однако уже 14 марта 1953 года пленум ЦК КПСС принял решение: удовлетворить просьбу Маленкова об освобождении его от обязанностей секретаря ЦК КПСС с тем чтобы сосредоточить его усилия на работе Председателя Совета министров. Первым секретарем ЦК КПСС стал Н. С. Хрущев. Это решение по неизвестным причинам было опубликовано только 22 марта.

Но назначение Хрущева Первым секретарем ЦК КПСС не носило характера выдвижения преемника Сталина. Никто ни в партии, ни в стране еще не воспринимал его как главную фигуру в руководстве. В Секретариат ЦК, кроме Хрущева, вошли М. А. Суслов, П. Н. Поспелов, Н. Н. Шаталин и С. Д. Игнатьев. Из них только Хрущев был членом Президиума ЦК. Этот Секретариат имел подчеркнуто внутривластный рабочий характер: он не мог давать директив правительству, а Хрущев не мог давать указаний Маленкову, который в первые недели после смерти Сталина пользовался в стране наибольшим влиянием. Хрущева почти все члены Президиума ЦК считали скорее практиком, чем серьезным политическим деятелем. К нему относились как к человеку слабо подготовленному, простоватому, иногда грубому, который никогда не сможет претендовать на чрезмерную власть и будет считаться с мнением других более заслуженных партийных лидеров.

Соратники Сталина, боявшиеся друг друга, сделали в этом случае такую же ошибку, какую 30 лет назад совершили соратники больного Ленина. Именно Каменев и Зиновьев усиленно продвигали тогда Сталина на пост Генерального секретаря ЦК ВКП(б), полагая, что этот малоизвестный грузин не будет стремиться к власти. Фактическим вождем партии был все еще больной Ленин, и члены ленинского Политбюро старались сохранить в своих руках более престижные посты Председателя Совнаркома, Председателя Политбюро, Председателя ЧК, Председателя Коминтерна, Председателя ВЦИК, Наркомвоенмора. Однако смерть Ленина, а вскоре и смерть Дзержинского и Фрунзе быстро изменили ситуацию, и именно должность Генерального секретаря ЦК приобрела ключевое значение.

Хотя в 1953 году Маленков как Председатель правительства имел наибольшее влияние, в областях и республиках главными оставались посты секретарей обкомов и республиканских ЦК, и поэтому вся эта партийная система оказалась теперь в большей зависимости от Хрущева, чем от Маленкова. Сталин, будучи главой правительства, принимал решения единолично, практически игнорируя партийный аппарат. Маленков еще не имел такого авторитета, и поэтому относительное значение ЦК КПСС как реального средства «диктатуры рабочего класса» после смерти Сталина резко возросло. При назначении Хрущева на пост Первого секретаря ЦК КПСС главную роль сыграло то, что Хрущев имел репутацию знатока сельскохозяйственных проблем. Именно эта отрасль находилась в 1953 году в наиболее плачевном состоянии и определяла настроения народа. Поэтому выдвижение Хрущева имело символическое значение – оно ослабило настроения недовольства и даже отчаяния, многие годы накапливавшиеся в деревне. Хрущев как руководитель партии давал почти задавленной террором и голодом деревне какую-то надежду на перемены к лучшему.

Недооценка роли Секретариата ЦК КПСС Маленковым, Молотовым, Берией и Кагановичем в 1953 году, в последующем дорого им обошлась. В однопартийном государстве только Съезд партии, а в перерывах между съездами – пленум ЦК партии обладают действительной полнотой власти. Но в последние 15 лет жизни Сталина прошел только один партийный съезд, и значение пленумов сошло на нет. Практическое значение имел лишь пленум ЦК в феврале 1947 года по вопросам сельского хозяйства. Не проводилось даже заседания полных составов Политбюро для обсуждения наиболее важных проблем. Сталин обычно принимал решения сам или после консультации с тем или иным из своих ближайших сотрудников, и лишь потом о них объявляли как о решениях ЦК КПСС или Совета министров.

Но новый Первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев не имел достаточного авторитета, чтобы единолично решать даже внутрипартийные проблемы, не говоря уже о государственных или международных. Поэтому он неизбежно должен был вернуть созывы полных пленумов ЦК и Президиума ЦК КПСС, чтобы опираться на авторитет этих органов. Периодические пленумы ЦК должны были способствовать росту авторитета и влияния нового партийного лидера.

Хотя после смерти Сталина был объявлен принцип «коллективного руководства», вековые традиции страны и 35-летняя традиция советской власти требовали выдвижения одного главного популярного вождя, твердо управляющего делами государства. После первых недель «коллективного руководства» стало очевидным, что на эту роль могут претендовать лишь Маленков, Молотов и Хрущев. Ворошилов, Каганович и Берия быстро отошли на второй план. Ворошилов был слишком стар, и кроме того, нес ответственность за многие поражения в начале минувшей войны. Каганович был евреем, а оживленный Сталиным в последние годы правления антисемитизм еще не угас. Берия возглавлял организацию, которая хотя и имела большую власть, но не обеспечивала трибуны для выступлений, речей, экономических и политических решений, необходимых для создания популярности лидера.

В первой книге воспоминаний Хрущева³ описываются некоторые детали «заговора» Берии и подробности «контрзаговора» Хрущева с обстоятельствами ареста и последующей ликвидации Берии. К сожалению, в этих воспоминаниях Хрущев дал слишком противоречивую и неточную картину того, что происходило в этот период, и действительный характер «заговора» Берии не показан им сколь-либо достоверно. Но и из других источников также очень мало известно об обстоятельствах, касающихся разгрома несомненно существовавшей организации Берии, готовившей захват власти.

Берия выдвинул Маленкова на пост Председателя Совета министров СССР, так как между ними существовала давняя дружба и ряд карательных операций широкого масштаба они проводили вместе. На похороны Сталина, организованные с грандиозным размахом, в Москву стекались сотни тысяч людей со всей страны. Это вынудило Берию вызвать в Москву несколько дивизий МВД для поддержания порядка. Часть войск расположилась в центре города в различных административных зданиях. После похорон Берия не отдал распоряжения об отправке этих подразделений МВД, находившихся в его подчинении, на прежние места их дислокации. Но для этого требовался какой-то повод, и он его нашел. Как известно, вскоре после смерти Сталина была объявлена всеобщая амнистия осужденным на сроки до 5 лет. Таким образом, под эту амнистию не попадали осужденные по политическим статьям (срок за них начинался с 8 лет) и серьезные преступники и рецидивисты. Однако вопреки Указу об амнистии, Берия отдал приказы своим подчиненным полностью ликвидировать некоторые лагеря для уголовных преступников, в результате вышли на свободу многие уголовники и рецидивисты, независимо от их срока. В Москве и других городах появились сотни тысяч амнистированных заключенных-бытовиков, а это сразу вызвало рост преступности и недовольство населения и дало повод оставить в городах большой контингент войск МВД.

³ Khrushchev Remembers. New York, 1975.

Произвело большую сенсацию и сообщение МВД в начале апреля о реабилитации «врачей-сионистов», арестованных по распоряжению Сталина, и о восстановлении в стране социалистической законности. Виновный в организации «дела врачей» Рюмин был быстро осужден и расстрелян. Большинство людей восприняло это с огромным энтузиазмом, как начало массовой реабилитации политических заключенных. Берия провел несколько частных реабилитаций, в основном родственников высших руководителей, например жены В. Молотова Жемчужиной – Молотовой. Она прямо из лагеря была привезена в Москву, где ее встречал сам Берия вместе с Молотовым. Но, наряду с ликвидацией «дела врачей», Берия объявил и об освобождении и реабилитации бывшего министра МГБ Абакумова, министра МГБ Грузии Рухадзе и ряда других своих близких друзей, которые сразу же получили ответственные посты в новой системе МВД. Политическая ответственность за «дело врачей» была возложена на С. Д. Игнатьева, бывшего министра МГБ, друга Маленкова, и занимавшего после смерти Сталина пост секретаря ЦК КПСС.

Однако ЦК КПСС, обсудив все эти реабилитации, принял и опубликовал 10 апреля решение «О нарушении законов органами государственной безопасности», которое косвенно было направлено и против Берии, ибо нарушения законов со стороны МГБ, конечно, не ограничивались только «делом врачей». Кроме того, даже частные реабилитации родственников высших партийных и государственных чиновников (в первые месяцы после смерти Сталина было несколько сотен таких реабилитаций) быстро меняли отношение в ЦК КПСС к существовавшей проблеме концентрационных лагерей, в которых томились миллионы невинных людей, жертв террора. В то же время давление со стороны населения на МВД быстро росло. Миллионы людей писали заявления в МВД и ЦК КПСС, в Президиум Верховного Совета СССР и требовали реабилитации своих родственников. Рассмотрение этой проблемы в ЦК КПСС в ее полном объеме грозило стать гибельным для Берии. Поэтому ему нужно было торопиться с организацией заговора. Но в ЦК КПСС уже готовился противоположный заговор против него самого, так как и Хрущев и многие другие члены руководства страны понимали опасность концентрации в руках Берии столь большой власти. Г. Маленков также вынужден был примкнуть к этому заговору, во главе которого стоял Хрущев, поддержанный военными и прежде всего маршалом Г. К. Жуковым.

Заговор против Берии, а в нем участвовало большинство членов Президиума ЦК, был тем не менее настолько опасным мероприятием, что при его подготовке ни Хрущев, ни Маленков не могли доверять своим ближайшим сотрудникам, даже шоферам правительственных машин. Однажды, по дороге из дачной резиденции правительства в Кремль Хрущев и Маленков вышли из автомобилей и пошли прогуляться в ближайший лес, чтобы там договориться о деталях заседания Президиума, на котором было решено арестовать Берия.

Подробности устранения Берии описаны самим Хрущевым в его воспоминаниях. Никаких более надежных источников об обстоятельствах этой очень важной операции пока нет.

Иногда появляются сведения о том, что Берия был застрелен маршалами в Кремле во время заседания, но они неверны. Берия был связан, закатан в ковер и с кляпом во рту вывезен из Кремля маршалами Жуковым и Коневым с их охраной. В период следствия он содержался в одной из секретных подземных резиденций Московского военного округа недалеко от столицы. Берия расстреляли после специального суда и вынесения приговора.

В день его ареста была сразу сменена вся охрана Кремля и зданий ЦК КПСС и произведены аресты многих руководителей МВД – ставленников Берии. Армейские части, находившиеся под командованием маршалов Жукова и Конева, окружили и блокировали центральные здания МВД в Москве^[1]. В течение нескольких дней были арестованы начальники управлений МВД в большинстве областей и министры МВД в союзных республиках, а также друзья Берии – министр государственного контроля В. Н. Меркулов и Первый секретарь Азербайджана, кандидат в члены Президиума ЦК КПСС М. Багиров.

Юридические и политические последствия ликвидации ядра террористического аппарата, созданного еще Сталиным, были огромными, они определили многие события последующих лет и решения XX Съезда КПСС. Арест Берии и ликвидация всей его «мафии» укрепили позиции Хрущева и ослабили позиции Маленкова. Вместо группы Маленкова, Берии, Молотова выдвинулась на первый план группа Хрущева, Булганина, Жукова. Центр принятия основных решений переместился из Совета министров в ЦК КПСС. Но в сознании народа главной фигурой в стране был все еще Маленков, а не Хрущев. Соперничество между ними теперь возникло в сфере экономической политики.

Глава 2

Первая экономическая реформа Хрущева в 1953 году

Чтобы понять, почему в 1953 году Хрущев мог приобрести быструю популярность и укрепить свои позиции в партийном руководстве именно благодаря серьезным реформам в сельском хозяйстве, следует прежде всего показать, в каком положении эта отрасль экономики находилась в то время и какое влияние это оказывало на всю жизнь страны.

С насильственной коллективизации сельского хозяйства в 1929 году оно находилось под прямым контролем ЦК партии, а не правительства. Правительство имело большее влияние на работу совхозов, а партийные органы – на работу колхозов. Однако совхозы, создававшиеся на базе некоторых крупных помещичьих имений и в малонаселенных местностях, владели в 1929 году меньше чем 5 % обрабатываемой в сельском хозяйстве земли и поэтому не имели большого значения. Колхоз же по уставу был «добровольной артелью», управлялся выборными органами и решал свои проблемы не в результате распоряжений Наркомата земледелия, а постановлением общего собрания колхозников. Теоретически колхоз был как бы независимым сельскохозяйственным обществом, и интересы социалистического государства в колхозах защищались главным образом по партийной линии. Все важные собрания проводили обычно секретари или инструкторы партийных комитетов района. Да и райкомы партии были в сельскохозяйственных районах еще большими хозяевами, чем в городах и промышленных районах, где исполкомы Советов выполняли некоторые функции. Если в плохой работе маленького завода можно было обвинить местный Совет, а за недостатки в работе крупного предприятия нес ответственность тот или иной наркомат (а впоследствии министерство), то за положение в сельском хозяйстве всегда отвечали секретари райкомов и обкомов, а Наркомат земледелия имел консультативное значение.

В наши задачи не входит рассмотрение истории экономического развития СССР, отметим лишь, что после резкого падения в 1930–1933 годах производства сельскохозяйственных продуктов, вызванного коллективизацией и сопровождавшегося в южных районах и на Украине голодом, от которого погибли несколько миллионов человек, с 1933 года наблюдался заметный рост производства в сельском хозяйстве, позволивший улучшить снабжение быстро растущих городов и экспортировать зерно, главным образом в Германию.

Война 1941–1945 годов, естественно, нанесла огромный прямой и косвенный ущерб сельскому хозяйству, особенно на обширных территориях, подвергшихся немецкой оккупации. В 1945 году сельское хозяйство страны производило только 60 % продукции от уровня 1940 года.⁴

Но с 1943 по 1953 год развитие сельского хозяйства шло слишком медленно, и в 1953 году производство составляло только 104 % от уровня 1940 года, при значительно большем, чем в 1940 году, населении городов и необходимости большего экспорта зерна в Чехословакию, Восточную Германию и даже в Китай. Испытывая огромные затруднения в снабжении населения продовольствием, Правительство забирало в колхозах по государственным поставкам и закупкам почти все зерно и другие продукты, и у крестьян практически ничего не оставалось от колхозных урожаев. Их заставляли работать за ничтожный доход от колхоза, а за взятые с полей картофель или колосья пшеницы, которые они же и вырастили, их могли арестовать и отправить в «исправительные» лагеря на срок до 10 лет.

Но семья колхозника имела, согласно уставу колхоза, небольшой так называемый «приусадебный» участок земли для личных нужд, могла держать одну корову и несколько свиней

⁴ Народное хозяйство в СССР в 1964 году. Статистический ежегодник ЦСУ. М., 1965. С. 246.

или овец, а также кур и другой птицы. Приусадебный участок не должен был занимать больше гектара (половина акра), и вполне очевидно, что накормить семью и домашний скот с него было невозможно. Тем не менее именно этот маленький участок во время войны и после нее стал главным источником питания и вообще дохода каждой крестьянской семьи. Сено на корм скоту крестьяне выкашивали на лесных полянах и в других неиспользуемых колхозом местах, а на своих небольших участках выращивали в основном овощи и фрукты, стараясь получить высокие урожаи, обрабатывая и улучшая землю.

Во время войны, когда овощи и фрукты были в городах большой редкостью, продукция из личного хозяйства колхозников, продаваемая на рынках по свободно устанавливаемой цене, имела важное значение и для снабжения городов. Поскольку приусадебный участок не был личной собственностью, а выделялся колхозом только для своих работников, то в итоге именно эта «привилегия» заставляла крестьян обрабатывать и колхозную землю, с которой сами они почти ничего не получали. Бесплатный или низкооплачиваемый труд крестьян на общественном поле был как бы условием того, что они могли иметь для своих нужд небольшой участок и корову. Это были, по существу, полукрепостные отношения, они еще усугублялись тем, что для переезда в город или другой район колхозникам требовалось разрешение правления колхоза и местного совета.

Тем не менее эта полукрепостная система отношений между крестьянами и государством все же обеспечивала страну продовольствием до войны и во время нее, несмотря на мобилизацию десятков миллионов крестьян и гибель около 20 миллионов человек, из которых не менее 15 миллионов были жителями деревень. К ним добавлялось около 10 миллионов инвалидов.

После войны правительство стремилось восстанавливать в первую очередь города и индустрию, что вело к уменьшению сельского населения, но в то же время к необходимости резко увеличить производительность продуктов сельского хозяйства. Однако недавние крестьяне, особенно молодежь, демобилизуясь из армии, не стремились возвращаться в полукрепостные колхозы, а шли в города и в промышленность. Помощь продовольствием из США прекратилась с началом холодной войны в 1946 году. А советскому правительству нужно было снабжать продовольствием несколько стран Восточной Европы, и на его беду в 1946 году на большей части территории СССР настала сильная засуха. В этих условиях Сталин и его окружение решили увеличить денежные и продовольственные налоги с индивидуальных крестьянских хозяйств, как в колхозах, так и в совхозах.

Хотя крестьянская семья имела свой небольшой участок в четверть гектара как плату за работу в колхозе (участок отбирали у тех, кто не вырабатывал нужного числа «трудодней» в год), урожай и другая продукция с него не были полной собственностью крестьянина, а облагались натуральным и денежным налогом. Крестьянская семья должна была сдавать государству как налог на кур определенное количество яиц, нужно было платить налог на корову и свиней молоком и мясом, денежный налог на сад и огород и т. д. Эти налоги постоянно увеличивались еще до войны. Уже в 1940 году государство получало таким образом с индивидуальных участков крестьян 37,2 % мяса, 34 % молока и масла и 93 % яиц от всего объема продуктов, которые шли в государственный фонд колхозов и совхозов⁵. После 1940 года сельскохозяйственный налог на личное приусадебное хозяйство продолжал расти, что быстро привело к тому, что для крестьянина стало невыгодно интенсивно обрабатывать землю. А за неуплату налогов полагались штрафы и судебная ответственность. Но поскольку налог был не с участка в целом, а с видов собственности, то постепенно крестьяне стали отказываться от интенсивного хозяйства даже на приусадебных участках. Сначала вырубали сады, чтобы не платить деньги. Потом прекратили держать свиней, потом многие резали коров, а затем шли под нож и куры. Главной культурой на приусадебном участке постепенно становилась картошка.

⁵ Экономика сельского хозяйства. 1964. № 9. С. 17.

За всей этой принудительной политикой стояла идея, что крестьяне, не имея возможности прокормить семью с участка, будут лучше работать в колхозах, будут стремиться к большим урожаям на колхозной, а не на личной земле. В действительности же они предпочитали покидать колхозы и совхозы.

Несмотря на полукрепостную систему насильственного прикрепления крестьян к колхозам, путем лишения их паспортов, без которых нельзя было проживать в городах, возможности для ухода из колхоза все же были. Молодежь обычно просто не вступала в колхоз, потому что в него не зачисляли автоматически после достижения определенного возраста. Помещик во времена крепостного права владел не только крестьянином, но и его детьми. Колхозы же могли насильственно удерживать только уже вступивших в него людей. Молодые мужчины после службы в армии, которая в России всегда была обязательной, уже не возвращались в колхоз. Девушки могли получить образование в городах, выйти замуж или добровольно завербоваться в какие-нибудь особенно отдаленные районы. Шел быстрый распад не обновляемого людьми сельскохозяйственного производства, который в течение 2–3 лет мог привести к продовольственной катастрофе и голоду во всей стране. Но Сталин ничего не замечал. И в его окружении только один человек понимал всю опасность. Это был Хрущев. Сам Сталин совершенно не представлял специфики сельскохозяйственного производства и питал особую неприязнь и недоверие к крестьянам. Он никогда не посещал колхозов. Главным его советником в области сельского хозяйства стал после 1948 года Т. Д. Лысенко, проповедник вздорных идей акклиматизации и переделки природы растений и животных в результате изменения окружающей среды. Под влиянием Лысенко в 1948 году был разработан «Сталинский план преобразования природы», предполагавший создание в южных районах страны широчайших лесных полос для защиты от сухих ветров с востока. Сталин также предложил передвигать на север южные культуры, переделывая их природу, что привело к безуспешным попыткам найти в СССР новые районы для выращивания апельсинов, лимонов, маслин и даже деревьев какао, для которых строили огромные теплицы. Сельскохозяйственные районы получали большую финансовую помощь, но на проекты, которые были либо бессмысленными, либо (как лесные полосы) могли повлиять на природные условия в том или ином районе через 20–30 лет.

Но государственные деятели типа Жданова, Маленкова, Микояна, Ворошилова, Берии, Суслова разбирались в этих вопросах еще меньше, чем Сталин, который когда-то в молодости в ссылке имел небольшой огород и три года жил в сибирской деревне. Хрущев родился в крестьянской семье, и он был единственным членом сталинского Политбюро, который часто ездил в деревню, много раз беседовал с руководителями колхозов и совхозов, стараясь быть в курсе их проблем. Наблюдая развал в деревнях прежде всего мелких и слабых колхозов, он еще в 1949 году предложил довольно смелый проект объединения – «укрупнения» колхозов, успешно проведенный в течение одного года по всей стране. В 1925–1930 годах коллективизация проводилась на основе объединения крестьян в колхозы по деревням. Это был тогда единственно возможный способ коллективизации, так как сельскохозяйственной техники для создания более крупных хозяйств еще не было. Поэтому на базе маленькой деревни создавался маленький колхоз, средняя по размеру деревня могла образовать средний колхоз, а большая деревня – крупный колхоз. На юге страны, где часто встречались очень большие деревни (станицы), в одной деревне иногда организовывали несколько колхозов. В 1948–1949 годах именно маленькие и средние по размеру колхозы в первую очередь гибли от чрезмерной эксплуатации крестьян. Большие колхозы обычно имели лучшее руководство, получали большую помощь от машинно-тракторных станций, кредиты и большее внимание от районного руководства. Заметив эту закономерность, Хрущев предложил проект укрупнения мелких колхозов путем их объединения, а часто путем присоединения к более крупному и успешному колхозу в данном районе. Крестьяне крупного колхоза были обычно недовольны необходимостью делить свои фонды с разоренными соседями, имевшими часто большие долги перед государством. Но объ-

единение было принудительным, и очень быстро все мелкие колхозы были ликвидированы, и по всей стране общее число колхозов уменьшилось почти в три раза. Эта реорганизация предотвратила неизбежный крах множества мелких и средних колхозов, имевших ранее иногда только по 200–400 гектаров земли на несколько трудоспособных членов. Она упростила руководство колхозами со стороны райкомов и обкомов, позволила выбрать более способных председателей и улучшить связь между колхозами и машинно-тракторными станциями данного района. Хрущев предполагал также построить в каждом укрупненном колхозе (иногда в несколько тысяч гектаров земли и 5–8 деревень) какого-то центрального поселка – «агродорода». Но этот проект, уже широко обсуждавшийся в партийных организациях, был в Политбюро объявлен неверным, так как для строительства таких агрогородов не было ни средств, ни материалов.

Но, хотя укрупнение колхозов и помогло временно ликвидировать кризис, вызванный разрушением мелких хозяйств, жизнь крестьян продолжала ухудшаться. Если прежде в одних деревнях жили лучше, в других хуже, в третьих совсем плохо, то через 2–3 года после укрупнения процесс деградации стал распространяться и на благополучные села, разделившие свои фонды с бедными соседями.

По существу, именно инициатива Хрущева по укрупнению колхозов в 1949 году, а также успешное противодействие попыткам Т. Д. Лысенко заменить на Украине и на юге страны озимую, более урожайную пшеницу на яровую (этого требовала теория травопольной системы, лежавшей в основе «Сталинского плана преобразования природы»), создали Хрущеву репутацию человека, способного квалифицированно решать проблемы сельского хозяйства и помогли его выдвижению на пост Первого секретаря ЦК КПСС.

Заняв этот пост, Хрущев предложил резко сократить размер сельскохозяйственного налога на приусадебные участки колхозников, отменить натуральные налоги с разных видов собственности (с деревьев, с коровы и т. д.) и заменить их денежными налогами со всего индивидуального хозяйства в зависимости от числа членов семьи и покупкой у крестьян возможных излишков по достаточно высоким ценам. Этот проект был быстро принят в форме закона на Сессии Верховного Совета СССР летом 1953 года, и это сразу внесло облегчение в экономическое положение деревни и настроения крестьян, впервые за 25 лет почувствовавших, что все сильнее и сильнее давивший на них государственный пресс не только остановлен, но и немного поднят.

В сентябре 1953 года на специальном пленуме КПСС, посвященном развитию сельского хозяйства, в докладе Хрущева и в решениях пленума было предложено еще больше снизить налоги с индивидуальных хозяйств, предоставить особые льготы тем крестьянским семьям, у которых не было коров и другого скота, а также поощрять попытки рабочих и служащих, живущих в деревнях, мелких поселках и в пригородных зонах, заводить коров, свиней, кур и возделывать огороды и небольшие фруктовые сады без всякого налога. «Надо покончить с предрассудком, будто рабочему и служащему зазорно иметь скот в личной собственности», – заявил на пленуме Хрущев⁶.

В 1954 году налоги на личное приусадебное хозяйство были опять снижены, а налог на владение коровой и свиньями был вообще отменен.

Эта первая реформа Хрущева, касавшаяся по существу очень небольшого по территории приусадебного участка, вряд ли составлявшего больше чем 2 % всей обрабатываемой сельскохозяйственной земли в стране, имела, однако, быстрый экономический эффект. Число коров и другого скота в индивидуальном пользовании стало расти. Если в 1953 году почти четверть из 20 миллионов крестьянских семей не имела коров, то к 1959 году все крестьянские семьи их

⁶ Хрущев Н. С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. Доклад на пленуме ЦК КПСС. М., 1953. С. 28.

держали, а число коров в подсобных хозяйствах рабочих, служащих поселков и пригородных зон увеличилось на 3,5 миллиона⁷.

За несколько лет число овец в личных хозяйствах увеличилось в два раза, стало больше свиней и птицы. Снова начало развиваться садоводство. Быстро, уже в 1954 году, снизились цены на городских рынках для частной продажи продуктов сельского хозяйства. Напряженное положение в деревне было снято, и назревавший кризис не произошел.

Это была своеобразная новая экономическая политика в области сельского хозяйства, поощрявшая хотя и небольшой, но частный сектор производства. Этот сельскохозяйственный нэп был некоторой демократизацией, потому что государство решило не вмешиваться в данную сферу жизни людей, дав им инициативу самим решать вопрос о том, что и как делать на четверти гектара полученной как бы в аренду земли. Вскоре не только рабочие маленьких поселков и пригородных зон захотели иметь в личном пользовании небольшие участки земли для садов и огородов. Предприятиям и учреждениям крупных городов было разрешено находить в сельских районах вдоль дорог, в лесу, вблизи железных дорог участки неводеланной земли и делить ее между работниками на огороды и сады, обычно по 1 000 кв. метров (десять соток) на семью. Этим было положено начало так называемым коллективным садам и огородам рабочих и служащих, где они могли в свободное время и в выходные дни работать для себя. Улучшение положения в личных подсобных хозяйствах, вопреки прежней партийной теории, быстро улучшило и положение в колхозах и в совхозах. Благодаря этому и другие реформы, предложенные Хрущевым и касавшиеся производства непосредственно в колхозах и совхозах, могли быть реализованы, так как они шли в деревню к людям, у которых изменилось общее настроение, появились какие-то надежды и желание работать.

⁷ Народное хозяйство СССР в 1961 г. Статистический ежегодник ЦСУ. М., 1961. С. 382–383.

Глава 3

Основные сельскохозяйственные реформы Хрущева в 1953 году

Положительное решение вопроса об индивидуальных хозяйствах крестьян могло быть быстрым, так как этот, по существу, правовой вопрос не требовал финансовых или организационных мероприятий. Облегчив положение крестьян, страдавших от непомерных налогов, Хрущев не мог, однако, только этим поднять сельское хозяйство в целом. Следовало прежде всего увеличить фонды зерна, которое не выращивалось на приусадебных участках, увеличить также урожайность многих технических культур и производство кормов для колхозного скота, решить множество других проблем, без которых нельзя было развивать и промышленность. Подготовка предложений по этим вопросам началась сразу после реорганизации Президиума ЦК КПСС в марте 1953 года, и на сентябрь был назначен пленум ЦК КПСС для обсуждения положения в сельском хозяйстве. Доклад на нем готовил Хрущев. Этот пленум, известный как сентябрьский пленум ЦК, долгое время считался главной заслугой Хрущева в деле подъема сельского хозяйства страны.

Основные решения пленума, суммированные в директивном постановлении ЦК КПСС от 7 сентября 1953 года «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», были политико-экономические, позволявшие колхозам и совхозам получать от государства намного больше средств за свою продукцию. Когда Сталин вводил колхозную систему и разрабатывал первый Устав колхозов, то он также не собирался просто отбирать у них все лишнее и нелишнее зерно и другие продукты. Государство не забирало, а покупало у колхозов их продукцию, а кроме того, колхозы были обязаны платить этими продуктами (натуроплата) за работу машинно-тракторных станций, находившихся в собственности государства. Ставки «натуроплаты» за пользование тракторами, комбайнами и прочей техникой были очень высокими, а цены, по которым государство покупало продукцию колхоза, очень низкими, настолько низкими, что совершенно не покрывали даже небольшой части затрат колхоза на производство и поэтому у него не было денег на оплату труда колхозников. Но эти так называемые «обязательные» поставки государству по установленным низким ценам теоретически не распространялись на всю продукцию колхоза. Предполагалось, что колхоз сможет произвести больше, чем ему нужно «продать» государству и уплатить машинно-тракторной станции (МТС). Излишки же, оставшиеся у колхоза, могут быть распределены между членами, соответственно числу их «трудодней», а также оставлены «на семена» и проданы в городах через рынки или особые магазины. От такой продажи у колхозов будут и деньги.

Некоторые колхозы, имевшие хорошую землю или опытных председателей, справлялись с этой задачей. К тому же в области или районе руководство всегда старалось создать хотя бы один «показательный», хороший колхоз (туда в первую очередь шли удобрения, машины и все прочее, включая награды и экскурсии). Большинство же колхозов не только не имели излишков, но не могли справиться с обязательными госпоставками и из года в год накапливали долги. То, что не было сдано государству в прошлом, возможно неурожайном году, должно было присоединяться к госпоставкам следующего года. Часто приходилось в трудные годы отдавать зерно и из семенных фондов, а потом весной просить помощь у соседей или у государства, для того чтобы засеять поля. По таким же низким ценам колхозы сдавали мясо и молоко со своих ферм, а поэтому никаких экономических стимулов к развитию не было. Кроме того, нормы обязательных госпоставок все время увеличивались и определялись не с практического, а с теоретического «предполагаемого» урожая.

Идея Сталина была очень простой. Если колхоз будет знать заранее, что у него заберут для государства очень много, то колхозники будут трудиться напряженно, чтобы получить максимальный урожай и чтобы колхозу достались от этого урожая какие-то излишки. К сожалению, земля имеет свои законы и без удобрений не может обеспечивать беспредельное повышение урожаев. Поскольку же удобрений почти не было, то средние урожаи в СССР не повышались с 1913 по 1953 год и были втрое ниже, чем в других странах Европы. Сентябрьский пленум ЦК КПСС резко изменил положение прежде всего тем, что значительно повысил оптовые цены, по которым колхозы сдавали продукты государству. Это повышение распространялось на все виды продуктов, но было особенно значительным на мясо и птицу (в 550 %), молоко и масло (200 %), картофель (200 %), овощи (40 %). Были повышены цены и на «свободную» продажу колхозами государству возможных «излишков». Все старые долги аннулировались.

На пленуме были приняты и многие другие положительные решения (увеличение производства удобрений, сельскохозяйственных машин, выдача кредитов на строительство ферм, увеличение зарплаты работникам МТС и т. д.). Все эти дополнительные меры могли сказаться через несколько лет. Повышение же цен на получаемые государством у колхозов продукты произвело немедленный эффект, так как колхозы при этом получали от государства значительные суммы денег и уже могли оплачивать труд работников. Полукрепостные отношения колхоза и крестьян были сильно ослаблены.

На пленуме ЦК КПСС было также решено мобилизовать для работы в колхозах (председателями, бригадирами, бухгалтерами, парторгами) от 20 до 30 тысяч опытных организаторов – членов партии, часто с агрономическим образованием. На первые 2–3 года им была установлена довольно высокая зарплата от государства.

Эта реформа, дополненная рядом других решений в последующие месяцы, имела несомненный положительный эффект для развития сельского хозяйства в 1954–1958 годах. Производство зерна в стране, составлявшее в 1953 году около 80 млн тонн, возросло к 1958 году до 136 млн тонн. Из них почти 60 млн были сданы и проданы государству, это почти в 2 раза больше, чем в 1953 году⁸. Урожайность пшеницы и других зерновых увеличилось в среднем с 7 до 11 центнеров с гектара.

Производство мяса – примерно с 6 до 8 млн тонн (на 32 %). Рост производства молока был 61 %, яиц – 44 %, шерсти – 36 % и т. д. Более чем в 2 раза увеличилось производство сахарной свеклы⁹. При этом выплаты колхозникам продуктами и деньгами за работу составили около 134 миллиардов рублей (в денежном выражении до девальвации 1961 года). По существу сейчас курсу это примерно 600 долларов в год на крестьянскую семью. Хотя эта сумма кажется весьма скромной, следует учесть, что в 1953 году семья получала в год от колхоза эквивалент только 150 долларов.

С учетом увеличившихся доходов от личного хозяйства, можно установить, что в среднем материальное положение крестьянина почти сравнялось с положением рабочего в промышленности. Сельскохозяйственный кризис был как будто преодолен, и это, несомненно, заслуга Хрущева, достижение, укрепившее его власть и влияние.

⁸ Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник ЦСУ. М., 1959. С. 350.

⁹ Там же. С. 367.

Глава 4

Главная политическая реформа Хрущева в 1955 году

Решительные меры в области сельского хозяйства, несомненно, укрепляли политическое влияние и популярность Хрущева, но все же реальная власть в первой половине 1953 года была у Маленкова.

До ареста Берии его союз с Маленковым (при поддержке Молотова) мог быстро пресечь попытку любого другого лидера получить решающее влияние в стране, основанное на личной популярности. Удаление Берии и связанной с ним верхушки МВД летом 1953 года могло сохранить доминирующее положение Маленкова, несмотря на замену Берией близким Хрущеву И. Серовым. Личная дружба в политической борьбе не имела решающего значения, и история КПСС это много раз доказывала. Созданный еще в 1918 году аппарат террора был практически независим от партийного руководства. Чрезвычайная Комиссия (ЧК), возглавляемая Дзержинским, начиная с 1918 года, действительно получила чрезвычайные полномочия и выполняла функции ареста, следствия, суда и приведения приговора в исполнение. Сталин резко расширил полномочия карательных органов (ГПУ, НКВД и затем МГБ) и сделал эту систему независимой от партийного аппарата в стране, подчиняющейся только ему самому. НКВД (а потом Министерство государственной безопасности) имел свою общегосударственную сеть (управления в областях и отделы в районах), независимую от партийной сети. Начальник районного отдела НКВД или начальник областного отдела НКВД могли по директиве из Московского НКВД или даже по собственной инициативе арестовать в своем районе или области любого руководителя, даже Первого секретаря обкома партии, а иногда и весь состав обкома или райкома, что и случалось в годы массового террора. Под контролем районных отделов НКВД (а потом МГБ) существовала обширная сеть тайных агентов («информаторов»), иногда платных, а чаще всего бесплатных, вербовавшихся из страха.

Теоретически страной руководила партия, но фактически над партией, а также и над правительством находился аппарат террора, непосредственно подчинявшийся Сталину. Любой деятель партии и правительства всегда мог исчезнуть без следа в этой могущественной системе «государственной безопасности» и даже в прессе ничего бы не сообщили ни об аресте, ни о суде, ни о расстреле, особенно если это был достаточно популярный деятель. Так произошло, например, в 1949 году с членом Политбюро и Председателем Госплана СССР Николаем Вознесенским и многими другими деятелями партии, которых нельзя было уже, как других в тридцатых годах, обвинить в «троцкизме», в «правом» или «левом» уклоне.

Аппарат МГБ был к этому времени настолько автономным, что даже в отделах ЦК КПСС были «спецотделы», подчиненные не ЦК, а МГБ. Это же относилось и к охране зданий ЦК. Офицеры и сотрудники МГБ имели право осматривать столы и сейфы работников ЦК КПСС. С другой стороны, Сталин, не доверяя Берии, создал автономную личную охрану, состоявшую в целом из двух-трех дивизий МГБ. Эти войска, носившие форму МГБ, подчинялись не министру МГБ, а лично Сталину и могли, если бы он приказал, арестовать любого деятеля государства, даже Берию и его аппарат. Командовал этой охраной, расположенной обычно вблизи резиденций Сталина в Кремле, под Москвой, в Крыму, возле Сочи и т. д., генерал Николай Власик, который был генералом Советской армии, а не войск МГБ. Он был предан лично Сталину и служил его главным телохранителем более 20 лет. Но в 1952 году Сталин, страдавший манией преследования, приказал арестовать генерала Власика.

После смерти Сталина эту систему террора, контролировавшую все процессы в стране, взял в свои руки Берия, активно реорганизовав ее с учетом собственных амбиций. Он быстро назначил на наиболее ответственные посты в МВД преданных ему людей и, несомненно, готовил всю систему для возможного захвата власти. И это был вполне реальный вариант развития

событий. Однако сразу после смерти Сталина ни политическая, ни экономическая обстановка в стране еще не давали повода для какой-либо коренной реорганизации с участием МВД, но он мог возникнуть в любой момент. Хорошо известно, что Берия не дождался этой возможности, так как в конце июня 1953 года был арестован во время заседания Президиума ЦК КПСС. Судя по воспоминаниям Хрущева, заговор был организован благодаря содействию высшего руководства армии, ведь органы государственной безопасности были лояльными Берии. Милиция вообще не была готова выполнять какие-либо политические функции такого рода. Кроме Берии арестовали его ближайших сотрудников (В. Меркулова, В. Деканозова, Г. Кобулова и других), но в действительности кроме этих имен, упоминавшихся впоследствии в Обвинительном заключении по делу Берии, был быстро ликвидирован весь центральный аппарат органов госбезопасности, а также смещены начальники областных и республиканских управлений. Практически на определенный период в системе МВД бывшая в ней ранее автономная система государственной безопасности перестала существовать. Она возродилась только в начале 1954 года, но уже в форме особого Комитета государственной безопасности (КГБ), который возглавлял Серов, многие годы работавший с Хрущевым на Украине и не имевший политического влияния.

После Серова, недолго занимавшего пост Председателя КГБ (Серов был профессионал государственной безопасности и, несомненно, участвовал в многих карательных операциях прошлого), Председателем КГБ был назначен А. Н. Шелепин, лидер ВЛКСМ, и под его руководством реорганизация аппарата КГБ приобрела более отчетливый характер. Большая часть профессиональных чекистов была удалена со всех ответственных постов и их иногда генеральские должности переходили к сравнительно молодым руководителям московских и областных комсомольских организаций. Некоторым членам обкомов и райкомов ВЛКСМ поручили формировать областные управления КГБ. Районные отделы госбезопасности были просто ликвидированы, как и многие «спецотделы» на предприятиях и в учреждениях небольшого и среднего размера.

Даже задача борьбы с «идеологическими диверсиями» из-за рубежа (внутренних диссидентов еще не было) была возложена на специальный отдел ЦК КПСС, во главе которого стоял Д. П. Шевлягин. Только в 1957 году, после того как Ю. В. Андропов стал во главе КГБ, в нем был создан собственный отдел по борьбе с «идеологическими диверсиями», в который перешли многие сотрудники из идеологического и международного отделов ЦК КПСС.

Часть нового аппарата госбезопасности формировалась из политработников армии. Но главное состояло в том, что новый аппарат не имел автономии и не находился в прямом подчинении у Председателя Совета министров СССР. Начальник областного управления государственной безопасности подчинялся прежде всего секретарю обкома КПСС. Вместо районных отделов госбезопасности впоследствии создавались небольшие сектора госбезопасности непосредственно в структуре райкома КПСС, а при вновь появившейся необходимости иметь «осведомителей», их вербовал среди членов партии непосредственно райком КПСС. Аппарат госбезопасности потерял самостоятельность, а вместе с ней и полномочия проводить суды, выносить приговоры и приводить их в исполнение. Система КГБ могла только производить следствие и арест по санкции прокурора. Система лагерей и тюрем осталась в МВД, впоследствии переименованном в Министерство охраны общественного порядка (МООП). Это разделение функций следствия, вынесения приговора (только через суд) и реализации приговора (срок в лагере или другое наказание), сделало партийные органы арбитром и влиятельным советчиком в вопросе о целесообразности тех или иных репрессивных мер. Вскоре установилась практика, при которой член КПСС, а тем более руководящий работник партии, не мог быть арестован до того, как его дело не будет рассмотрено партийным комитетом района или области. Только исключение из партии на таком заседании давало возможность ареста.

Секретари обкомов, горкомов и райкомов КПСС стали практически полными хозяевами в пределах своих территорий, и эта руководящая элита страны перестала бояться неожиданного ареста. В результате главным образом этой реформы Хрущев мог рассчитывать теперь на полную поддержку со стороны секретарей обкомов партии, которые по существу и составляли большинство пленума ЦК КПСС. Отношения между ЦК КПСС и Правительством СССР стали примерно такими же, как и отношения между обкомом КПСС и исполкомом области. Директивы правительству шли от Хрущева, и Хрущев стал наиболее влиятельным лидером не только в партии, но и во всей стране.

Были ликвидированы существовавшие при органах безопасности внесудебные «Особые совещания» («тройки»), имевшие ранее полномочия выносить приговоры по всем делам, следствие по которым проходило в НКВД или в МГБ. Эти «Особые совещания» чаще всего не руководствовались никаким Уголовным кодексом. До 1953 года большинство обычных судов рассматривало лишь дела о бытовых, экономических и служебных преступлениях, дела о разводах, гражданские дела и т. д. Теперь они получали большие полномочия по всем делам. Но в 1953–1954 годах эти народные суды практически не были готовы рассматривать и выносить решения по политическим делам. Поэтому рабочие секции карательной машины, которая ранее непрерывно поставляла в лагеря десятки тысяч политических заключенных, были разьединены, и это почти сразу прекратило поток новых жертв по политическим обвинениям. За все время, пока Хрущев находился у власти, не было ни одного нового сколь-либо серьезного политического процесса. В провинции, в отдаленных районах, по указаниям теперь уже обкомов, а не по директивам из Москвы, какое-то количество арестов политического характера, несомненно, производилось, но это был результат инерции и местного произвола. Политический террор, как обычный метод управления, при Хрущеве заменили административные методы.

Но, с другой стороны, после быстрой расправы в 1953 году над наиболее близкими сотрудниками Берии и после суда над несколькими десятками генералов МГБ и МВД в 1954–1955 годах, каких-либо серьезных мер для наказания исполнителей и организаторов сталинского террора не было. Значительная часть кадровых офицеров МГБ была уволена на пенсию. Более молодые назначались в спецхрану секретных предприятий и научных учреждений, в отделы кадров и на другие должности. Это касалось и офицеров МГБ, уволенных в связи с ликвидацией лагерей для политических заключенных. Например, бывший министр КГБ Эстонской ССР Почай, виновный во многих репрессиях, был назначен Начальником отдела кадров Института научной информации Академии наук СССР; полковник МГБ, начальник концлагеря «Озерлаг» Евстигнеев – заместителем начальника Братской гидроэлектростанции. Это же было типично и для менее ответственных работников МГБ. Один из авторов книги работал с 1962 по 1969 год в Обнинске в Институте медицинской радиологии. Начальница отдела кадров в нем раньше была начальницей женской тюрьмы, заведующий «спецотделом» института – бывшим полковником МГБ, инспектором северных лагерей, заместитель директора по хозяйственной части – начальником охраны концлагеря в Калужской области.

«Секретный» доклад Хрущева на XX Съезде КПСС считается важнейшим событием политики прекращения сталинского террора и основой для реабилитации многих миллионов людей, еще томившихся в лагерях (или уже погибших). Но в 1953 году в связи с проведением следствия по делу Берии и его «сообщников» был подготовлен обширный секретный документ о преступлениях Берии и других руководителей системы НКВД – МГБ. Его читали только на закрытых заседаниях партийного актива (руководство обкомов, исполкомов, райкомов, республиканских ЦК КПСС и т. д.). Документ имел характер «закрытого» письма ЦК КПСС и был намного подробнее и обширнее чем «Обвинительное заключение», напечатанное в газетах. Хотя закрытое письмо касалось прежде всего преступлений Берии, Меркулова и других, по существу оно бросало очень большую тень и на Сталина, ибо вряд ли кто-нибудь мог серьезно

поверить в то, что проводившиеся группой Берии репрессии против крупных деятелей партии, особенно в послевоенный период, не были одобрены Сталиным.

Сталин еще не был «открыт» для критики в советской прессе, но когда в его день рождения 21 декабря 1953 года не было объявлено о традиционном с 1939 года ежегодном присуждении Сталинских премий деятелям науки, техники и искусства, то стало очевидно, что официальное объяснение этого необычного явления необходимостью экономить средства не соответствовало реальности.

После ареста Берии в органы юстиции СССР в течение нескольких недель поступили миллионы заявлений о пересмотре дел томившихся в тюрьмах и лагерях, либо о посмертной реабилитации. Юридический аппарат страны уже не имел морального права отвечать стандартной справкой «В пересмотре дела отказано», поскольку практически вся центральная администрация НКВД – МГБ была объявлена преступной и даже связанной с иностранными разведками. Органы прокуратуры и юстиции СССР в 1953 году не были готовы к серьезному пересмотру такого количества дел, а Правительство СССР не могло объявить всеобщую политическую амнистию. Тем не менее начали выборочный пересмотр дел, в основном, родственников высокопоставленных правительственных и партийных работников по достаточно авторитетным ходатайствам. Всего в 1953 году было освобождено около 4 000 человек – очень мало, но и этот небольшой ручеек с Архипелага ГУЛага оказал большое влияние на последующие события. Во-первых, специальная директива открыла архивы МГБ для юридических и партийных организаций. Например, инструктор отдела науки ЦК КПСС мог затребовать для изучения дело академика Н. И. Вавилова, арестованного в 1940 году. Во-вторых, некоторые из реабилитированных заключенных встречались с Хрущевым, особенно если они были срочно доставлены из лагерей и тюрем, чтобы дать показания против Берии и его группы. Хрущев и сам в 1937 году не был свободен от злоупотреблений сталинского террора, когда он был секретарем ЦК на Украине. Но его связывало с аппаратом террора намного меньше, чем его соперников в Президиуме ЦК КПСС, особенно таких как Каганович, Маленков или Молотов. После войны Хрущев вообще не был инициатором каких-либо крупных политических дел, тогда как Маленков был причастен к организации большого «Ленинградского дела», пересмотр которого был неизбежен, поскольку главную роль в его создании играл также и Берия. Это обстоятельство, несомненно, определило многие дальнейшие ходы в политической борьбе между «старой гвардией» Сталина (Маленков, Каганович, Молотов, Ворошилов) и Хрущевым, которого поддерживала новая партийная элита, не желавшая возвращения аппарата террора, который через много лет после революции, после «полной ликвидации всех оппозиционных советскому строю групп и классов», уже много лет отправлял в свои обширные владения или на казнь не только простых людей, но и многочисленных представителей партийной и советской бюрократии и деятелей советской интеллигенции, особенно из национальных республик.

Глава 5

Борьба внутри «коллективного» руководства

Решительная инициатива Хрущева в осуществлении важных политических и экономических реформ уже не оставляла сомнений в его преобладающем влиянии на характер решений, принимаемых на высшем уровне. Но формально и в 1954 году в стране и в партии не было одного лидера, а доминировал принцип «коллективного» руководства, объявленный после смерти Сталина. Культ личности Сталина за 30 лет приучил людей к тому, что только «гениальный Отец народов» способен единолично разбираться во всех сложных проблемах управления государством и международной жизни и единственной альтернативой этой величайшей мудрости может стать лишь коллективный разум его выдающихся соратников и учеников, которые должны теперь сплотиться вокруг могилы Учителя. Никто из ближайших соратников Сталина не получил при его жизни большой популярности, а те, кто начинал резко выделяться благодаря заслугам, организационному таланту, реальным достижениям или способности научно подходить к экономическим проблемам (Киров, Куйбышев, Орджоникидзе, Щербаков, Жданов, Вознесенский, Жуков), к 1953 году исчезли с политической арены по различным причинам. В 1954 году только один из несомненно талантливых и популярных руководителей, удаленный Сталиным в отставку, мог быть включен в коллективное руководство, – маршал Г. К. Жуков, который был назначен заместителем министра обороны СССР.

Ядро Президиума ЦК КПСС, состоявшее после ликвидации Берии из 9 членов, было по многим причинам против слишком радикальных политических реформ Хрущева. Они не имели реального представления о действительно катастрофическом положении в сельском хозяйстве, боялись кардинальных реорганизаций и совсем не были заинтересованы в выходе разоблачений прежних времен за пределы простой ликвидации «банды» Берии, представлявшей угрозу и для них самих. Кроме того, между Хрущевым и Маленковым существовали антагонистические личные отношения с 1949 года, а еще более острый конфликт между Хрущевым и Кагановичем начался с 1947 года. Молотов, как Председатель Совета Народных Комиссаров с 1930 по 1940 год и второй человек после Сталина в предвоенные годы, считал свое положение в партии после его смерти недостаточно влиятельным и препятствовал активному вмешательству Хрущева в работу Министерства иностранных дел. Ворошилов нес существенную долю ответственности за неподготовленность СССР к войне с Германией (тяжелейшие репрессии в армии в 1937–1938 годах происходили с одобрения наркома обороны), и он же нес часть ответственности за неудачное начало войны с Финляндией в 1939 году и за плохое руководство фронтами в 1941 году.

Сталин все же считал Хрущева достаточно преданным исполнителем и питал к нему какие-то симпатии. Поэтому он не спешил удалять его из Политбюро или из Президиума ЦК КПСС, несмотря на неоднократные попытки «разоблачить» Хрущева, главным образом со стороны Кагановича и Маленкова. Первая серьезная попытка такого рода была предпринята в марте 1947 года, когда Хрущев по обвинению в недостатке бдительности в борьбе с национализмом на Украине был отстранен с поста Первого секретаря ЦК КПУ и на этот пост был направлен из Москвы Каганович. Хрущев, бывший также и Председателем Совета министров УССР, сохранил эту должность, как и пост члена Политбюро, но на Украине, где он был до этого полным и достаточно популярным руководителем, он оказался в подчинении у Кагановича, которому поручалось навести порядок в республике. Назначение на Украину Кагановича было только частично связано с «национализмом» – считалось, что Каганович как еврей будет более беспощаден в ликвидации националистических тенденций. Он был направлен на Украину в основном в качестве «твердой руки» для ликвидации возможных беспорядков из-за угрозы голода, вызванного сильнейшей засухой 1946 года (наиболее сильной после засухи

1891 года). В 1932 году именно Украина больше всего пострадала от голода, вызванного неурожаем и коллективизацией. От него умерло около двух миллионов человек, и горькая память об этой трагедии еще была жива в памяти народа. Засуха 1945 года не вызвала столь драматических последствий, но случись 1947 год снова неурожайным, и голод на Украине мог бы принять столь же губительные масштабы. Принципиальным вопросом в политической борьбе между Кагановичем и Хрущевым стала дискуссия вокруг преимуществ яровой или озимой пшеницы для Украины, и Хрущев проявил достаточную твердость и смелость, хотя и рисковал собственным положением. В это послевоенное время, когда над страной нависла реальная угроза голода, именно сельскохозяйственная политика того или иного руководителя становилась особенно важна для его положения в партийной иерархии.

В феврале 1947 года специальный пленум ЦК по вопросам сельского хозяйства (по докладу А. А. Андреева) рекомендовал резкое расширение на Украине посевов яровой пшеницы за счет озимой. Эту рекомендацию поддерживал Президент Академии сельскохозяйственных наук Т. Д. Лысенко. Идея о преимуществах яровой пшеницы основывалась на чисто теоретических построениях травопольной системы земледелия, разработанной почвоведом В. Вильямсом в 1933–1938 годах и дополнявшей многие псевдонаучные идеи самого Т. Д. Лысенко. Хрущев отлично понимал недостатки и рискованный характер этого проекта для Украины, да и для крестьян озимая пшеница была более традиционной и надежной культурой, чем яровая. Яровую пшеницу сеяли на Украине главным образом в качестве резерва, когда из-за неблагоприятной зимы посевы озимой были сильно повреждены. В среднем же по Украине и по югу СССР вообще озимая пшеница была в 1,5–2 раза более урожайной и менее чувствительной к периодическим засухам. Как известно, озимая пшеница, высеваемая в начале осени, когда в почве достаточно влаги, успевает дать большую вегетативную массу, а весной, также при достаточной влажности почвы, быстро переходит к репродуктивному росту и созревает в середине лета. Летняя засуха, частая в южных районах, уже не оказывает существенного влияния на урожай озимой пшеницы, а более длинный в целом вегетационный период (с осени и до середины следующего лета) обеспечивает большую «кустистость» (число репродуктивных стеблей от одного семени) и больший урожай по отношению к массе использованных семян. Яровая пшеница дает более ценное «твердое» зерно с большим содержанием белка, но поскольку ее высевают только весной, то репродуктивное развитие начинается в середине лета, а созревание наступает в конце лета и летние засухи, даже слабые, резко снижают урожай. Более сильные засухи полностью губят посевы. Поэтому расширение на Украине именно яровой пшеницы в ущерб озимой было крайне рискованным и непопулярным мероприятием. Тем не менее Каганович настаивал на резком расширении яровых посевов, Т. Д. Лысенко обосновывал это мероприятие с «научной» точки зрения, и сельскохозяйственный отдел Госплана СССР (заведующий В. С. Дмитриев и его заместитель С. Ф. Демидов) требовали выполнения соответствующих плановых заданий посевов яровой пшеницы. Этот сельскохозяйственный спор быстро перерос в политический конфликт, и летом 1947 года стали распространяться слухи о том, что Хрущев смещен и с поста Председателя Совета министров УССР. Однако попытка Кагановича полностью устранить Хрущева оказалась неудачной, планировавшаяся расправа с «националистической» украинской интеллигенцией также не была успешной и прекратилась из-за опасения еще большего национализма. К тому же аппарат МГБ на Украине в значительной степени состоял из сторонников Хрущева, и Каганович, направленный в Киев из Москвы с министерского поста, не мог быстро создать на Украине достаточно влиятельного собственного круга доверенных лиц. Деятельности Кагановича мешало, по-видимому, и его еврейское происхождение, так как уже почти открыто поощрявшийся Сталиным после войны антисемитизм имел более традиционные корни именно на Украине, а не в центральной России. Каганович, кроме того, был крайне непопулярен на Украине с 1933 года, когда он был направлен туда и на Северный Кавказ для разгрома «национализма» и довольно безжалостно

расправлялся с местной интеллигенцией. Умело используя эти тенденции, Хрущев сумел удержаться, а Каганович уже в конце 1947 года был снова отозван в Москву. После этого Хрущев вернул себе пост Первого секретаря КПУ. Вскоре на большой научной конференции украинских ученых и работников сельского хозяйства он получил полную поддержку обоснованной демонстрацией более высокой урожайности озимой пшеницы. Т. Д. Лысенко, чтобы избежать ответственности за неправильные рекомендации, опубликовал в «Правде» статью «Об агрономической теории В. Р. Вильямса», в которой отметил, что мнение Вильямса о преимуществах яровой пшеницы на Украине было ошибочным. Поскольку сам Вильямс умер еще в 1939 году, то вся ответственность легко могла быть взвалена на него.

Хрущев в 1953 году сразу же, как только стал Первым секретарем ЦК КПСС, уволил из Госплана СССР Демидова и Дмитриева. Устранение Кагановича было более трудной задачей, и он ограничился символическим жестом. ЦК КПСС принял решение, запрещавшее присваивать имена живых и активно действующих лидеров партии различным городам и учреждениям (только после ареста Берии пришлось изменить множество названий, особенно в Грузии). Несколько поселков имени Кагановича в разных республиках получили свои прежние названия, а в Москве знаменитый метрополитен, с 1935 года называвшийся «Московский Метрополитен имени Л. М. Кагановича», стал называться метрополитеном «имени В. И. Ленина». Учитывая заслуги Кагановича в организации строительства метрополитена, Московский Совет, однако, пошел на компромисс, присвоив одной из станций метро, бывшему «Охотному ряду», имя Л. М. Кагановича. Но поскольку «Станция имени Кагановича» не давала представления о том, в каком районе города пассажир выйдет из метро в этом месте, то историческое название было вскоре восстановлено. Через несколько лет улица «Охотный ряд» была переименована в проспект Карла Маркса и вместе с этим станция метро также получила имя Маркса. Большой промышленный город на Урале Молотов вернул свое историческое название Пермь, а Ворошиловград на Украине снова, как и прежде, стал Луганском. Именем Хрущева или Маленкова не назывались ранее какие-нибудь крупные города или предприятия, и поэтому репутация этих главных фигур руководства не могла быть снижена столь простым способом.

Конфликт между Хрущевым и Маленковым также не был связан только с их борьбой за власть после смерти Сталина, а возник за несколько лет до этого в связи с сельскохозяйственной политикой Хрущева. Сохраняя за собой роль абсолютного диктатора почти во всех областях внутренней и внешней политики, Сталин, особенно после войны, явно не мог справляться с проблемами, возникавшими в сельском хозяйстве. Между тем это была критическая область экономики, с которой престиж Сталина после коллективизации был наиболее тесно связан. Она была критической еще и потому, что неудачи в сельском хозяйстве нельзя было заглушать никакой фальсифицированной статистикой, недостаток продовольствия острее чувствовался населением, чем недостаток угля, стали или нефти, а около 80 % всей продукции легкой промышленности для сферы потребления зависело от поставок сельскохозяйственного сырья, хлопка, шерсти, льна, жира и других. Поэтому именно тот из членов Политбюро, кто был способен эффективно руководить сельским хозяйством, мог рассчитывать на роль второго человека в стране после Сталина. В декабре 1949 года Сталин вновь перевел Хрущева в Москву, где ему были поручены посты секретаря Московского областного комитета КПСС и секретаря ЦК КПСС. В то же время в Политбюро ЦК на Хрущева было возложено руководство сельским хозяйством. В это время ранее наиболее авторитетный после Сталина член Политбюро Николай Вознесенский уже был смещен и арестован, и проводивший эту «операцию» вместе с Берией Маленков получил в аппарате ЦК и в Политбюро наибольшее после Сталина влияние. Не исключено, что именно в связи со слишком очевидной концентрацией власти в руках Маленкова Сталин решил наделить и Хрущева практически таким же влиянием в ЦК КПСС, поручив Маленкову промышленность, а Хрущеву сельское хозяйство. Первым серьезным достижением Хрущева, как уже отмечалось, было укрупнение колхозов. Постановление

Совета министров СССР об укрупнении колхозов было опубликовано в июле 1950 года (число колхозов в стране было уменьшено с 252 до 123 тысяч). Хрущев, однако, рассматривал укрупнение колхозов лишь как начало действительной модернизации сельского хозяйства и условий жизни в деревне и поэтому выдвинул в дополнение новый план создания агрогородов на базе укрупненных колхозов. Эти идеи, высказанные им в ряде выступлений в начале 1951 года, были опубликованы в «Правде» 4 марта 1951 года.

Проект создания агрогородов был для 1951 года, несомненно, утопическим, хотя, по существу, именно радикальное перемещение средств из промышленности в сельское хозяйство могло бы спасти его от неизбежного распада. Но для подобной коренной реформы Сталин не был готов, тем более что введенная с 1947 года система подсчета урожаев не по реальному производству зерна, а по условной системе взятия проб с полей особыми инспекторами до действительной уборки зерна позволяла фальсифицировать реальную продуктивность колхозов и, завышая нормы госпоставок, создавать видимость благополучия в городах за счет быстрого разорения деревни. Маленков сразу нанес контрудар, объявив план создания агрогородов вредной и опасной экономической ошибкой. Сталин и Берия поддержали Маленкова, и план агрогородов был предан забвению. Однако в Политбюро произошла перестановка – Маленков стал отвечать за сельское хозяйство. Но полостью удалить Хрущева из состава Политбюро Маленков все же не смог. Как секретарь ЦК Маленков распространил по партийным организациям «закрытое» письмо ЦК с резкой критикой идеи агрогородов, а на XIX съезде КПСС в 1952 году, выступая с Отчетным докладом ЦК КПСС, Маленков вновь критиковал идею колхозных «городов».

Хрущев, несомненно, реабилитировал себя и уменьшил реальный авторитет Маленкова. Но для смещения Маленкова с поста Председателя Совета министров СССР этой дискредитации противника в области только сельскохозяйственной политики было недостаточно.

Теоретически, устранение Маленкова вовсе не было необходимым для страны, так как он был не хуже любого другого из членов Президиума ЦК по своим деловым качествам, и, обладая независимостью, мог бы быть хорошим сдерживающим фактором для слишком нетерпеливого Хрущева. Единовластие, стремящееся к авторитарности, всегда рискованно, особенно в стране, не имеющей никаких демократических традиций. Но, опять-таки из-за отсутствия демократических традиций, недоверие между двумя лидерами вело к неизбежному конфликту и удалению одного из них, так как не конституционные гарантии, а только укрепление ключевых постов лично преданными, лояльными людьми было условием стабильности.

После ареста Берии и достаточно обстоятельного расследования его преступлений, проводившихся под руководством назначенного по рекомендации Хрущева на пост Генерального прокурора СССР Романа Руденко (ранее работавшего с Хрущевым на Украине), неизбежно в 1954 году должен был начаться пересмотр так называемого «Ленинградского дела» – самой недавней (1949–1951 года) обширной акции сталинского террора среди руководящей элиты партии и государства. Это «дело» было инкриминировано Берии в качестве одного из наиболее серьезных его преступлений. Но практическую реализацию «Ленинградского дела» проводили Берия и Маленков с участием министра МГБ В. Абакумова.

После смерти Сталина Берия быстро и неожиданно объявил о реабилитации «группы врачей», а также о реабилитации менее известной группы арестованных в 1952 году руководителей Грузии («мингрельское дело»), не только потому, что ему хотелось приобрести личную популярность и показать себя сторонником законности. Неожданное милосердие Берии можно объяснить более простыми соображениями. Оба дела были созданы в 1952 году независимо от МГБ непосредственно по инициативе Сталина, который в результате обвинил руководство МГБ в потере бдительности, сместил и арестовал министра МГБ Абакумова, назначив на этот пост С. Игнатьева, который не был в прямой зависимости от Берии, как раньше Абакумов. Арестованные в Грузии руководители (секретарь ЦК Грузии, министр МГБ Грузии и

другие) все были близкими друзьями и выдвиженцами Берии, и Сталин лично взял следствие по «грузинскому делу» и по «делу врачей» под свой контроль, инструктируя Игнатьева и о методах следствия и о применении пыток. В этот период он практически отстранил Берия от управления карательной машиной, и Берия (так же как и Молотов и Ворошилов) потерял доверие диктатора и уже предвидел свой скорый конец. Логика длительного политического террора такова, что его главных исполнителей приходится периодически менять, и Сталин последовательно следовал этому правилу. Поэтому-то после смерти Сталина Берия быстро реабилитировал всех по «делу врачей» и по «мингрельскому делу» в Грузии и немедленно удалил с руководящих постов тех работников МГБ, включая Игнатьева, которые вели эти дела. Но он, конечно, совсем не намеревался и далее развивать политику реабилитации, так как последней наиболее крупной террористической акцией перед «делом врачей» была операция, получившая название «Ленинградского дела» (хотя она далеко не ограничивалась Ленинградом), организованная именно Берией и Маленковым.

«Ленинградское дело» никогда не было предметом открытого обсуждения в печати. Арестованные по этому делу в 1949–1951 годах часто просто исчезали, и при последующем назначении вместо них других людей никакие подробности о том, почему был освобожден тот или иной достаточно высокий пост, не сообщались.

Согласно официальной версии, выдвинутой на XX и XXII Съездах КПСС, главная жертва «Ленинградского дела», член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Госплана СССР и Заместитель Председателя Совета министров СССР Николай Вознесенский был арестован по указанию Сталина, так как Сталин завидовал растущей популярности Вознесенского. Предметом его особой зависти якобы была книга Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», изданная в 1947 году, в которой он теоретически анализировал многие особенности экономики социализма и которую стали рекомендовать для изучения марксизма, наряду с «трудами Сталина».

Не исключено, что это стало поводом для ликвидации Вознесенского, однако более вероятно, что его растущая популярность была прежде всего предметом зависти таких деятелей, как Маленков, Каганович, Берия, Молотов и Ворошилов. Назначенный на пост Председателя Госплана СССР в 1937 году Вознесенский был наиболее молодым и образованным членом Политбюро. Во время войны он занял ответственный пост Заместителя Председателя Государственного Комитета обороны, а после войны был назначен Первым Заместителем Председателя Совета министров СССР и, руководя одновременно Госпланом, оказался по существу выше в правительстве, чем Молотов, Каганович, Берия и Ворошилов. Обладая экономической эрудицией и умением аналитически мыслить, Вознесенский после смерти А. Жданова стал наиболее вероятным преемником Сталина в случае его смерти. В начале 1949 года Вознесенский был просто смещен со всех своих постов по указанию Сталина, но для ареста его не существовало еще никаких оснований. После войны уже не было в партии ни «правых», ни «левых» уклонов, ни «троцкистов», и просто так объявить Вознесенского «врагом народа» было также нельзя. Следовало создать какое-то дело. Его-то и организовали Берия и Маленков. Сначала Берия пытался обвинить Вознесенского в «потере» некоторых секретных документов Госплана, арестовал для этого нескольких ответственных работников Госплана, чтобы получить от них нужные показания. Однако «сознавшиеся» работники Госплана не смогли доказать одновременно виновности Вознесенского, и его пришлось отпустить, тогда как «сознавшихся» (двух заместителей Председателя Госплана Панова и Купцова и нескольких начальников отделов) осудили.

Через несколько месяцев Берия и Маленков сфабриковали «Ленинградское дело», согласно которому ряд ответственных работников Совета министров РСФСР хотели создать в РСФСР не только уже существовавший Верховный Совет РСФСР и Совет министров РСФСР, но и выделить самостоятельную Коммунистическую партию РСФСР и сделать Москву столи-

цей СССР, а Ленинград – столицей РСФСР. Проекты этого типа действительно обсуждались после войны, но были признаны бюрократическими, а для руководства Советом министров РСФСР дважды создавалось Бюро ЦК КПСС по РСФСР. Но в 1949 году было объявлено в закрытом порядке, что проект большей «Российской автономии» является вредительским, стремящимся ослабить руководящую роль в стране центрального правительства и ЦК КПСС во главе с И. Сталиным. В связи с этим были арестованы секретарь Ленинградского обкома П. С. Попков, секретарь ЦК КПСС А. А. Кузнецов (руководитель обороны Ленинграда), Председатель Совета министров РСФСР М. И. Родионов, а также весь состав Ленинградского обкома КПСС, обкома комсомола и тысячи ответственных партийных и советских работников Ленинграда. Одновременно были арестованы секретари ряда других обкомов РСФСР, а также Николай Вознесенский и его брат А. А. Вознесенский, министр просвещения РСФСР. Специально в связи с этим делом в Уголовный кодекс вернули смертную казнь, отмененную в связи с победой в Отечественной войне, и наиболее ответственные деятели, арестованные по «Ленинградскому делу» были расстреляны. Но тысячи ответственных работников Ленинграда и других областей еще томились в «исправительных» лагерях и тюрьмах, и вопрос о пересмотре их дел был теперь неизбежен. Некоторые из осужденных по «Ленинградскому делу» были освобождены и вызваны в Москву, чтобы дать показания против Берии еще в 1953 году. Бывший министр МГБ Абакумов находился в тюрьме, он был арестован в конце 1952 года Сталиным за отказ начать быстрое расследование по «делу врачей», но Сталин не успел его расстрелять, а Берия не торопился освобождать. После расстрела Берии был начат пересмотр «Ленинградского дела», и Абакумов стал теперь главным обвиняемым. Однако Генеральная прокуратура СССР, естественно, накапливала материалы и показания об участии в организации «Ленинградского дела» и Маленкова, выезжавшего вместе с Берией в Ленинград для руководства «следствием». Суд над Абакумовым и некоторыми другими бывшими работниками МГБ был намечен на декабрь 1954 года. Было очевидно, что все осужденные по «Ленинградскому делу» будут реабилитированы и освобождены. В ЦК КПСС уже готовилось специальное решение по этому делу в связи с приближавшимся судом. Бывший помощник Маленкова в ЦК, М. Андрианов, активно участвовавший в организации «Ленинградского дела» и получивший после этого пост Первого секретаря Ленинградского обкома, был смещен Хрущевым еще в ноябре 1953 года и также находился под следствием. Маленков мог избежать полной дискредитации, как бывший соучастии Берии и Абакумова, только по добровольному согласию Хрущева ценой своей отставки. Практически Маленков ушел с поста Председателя Совета министров СССР уже в конце 1954 года, но официально объявить об этом решили в форме «демократической» процедуры – путем отставки правительства на обычном заседании сессии Верховного Совета СССР в феврале 1955 года. Это в известной степени сохраняло репутацию правительства. Маленков сам объяснил причины своей отставки (недостаточный опыт руководства правительством – партийный аппаратчик) и взял на себя ответственность за плохое руководство сельским хозяйством в 1950–1953 годах. Благодаря добровольной отставке с поста Председателя Совета министров Маленков сохранил за собой пост члена Президиума ЦК КПСС. Но он уже не обладал никакой реальной властью. Формирование Совета министров было поручено Н. Булганину – другу Хрущева еще с тех довоенных времен (1935–1936 годов), когда Хрущев стал Первым секретарем Московского комитета ВКП(б), а Булганин был Председателем исполкома Моссовета. Укрупненные (объединенные в 1953 году) министерства были к этому времени снова раздроблены по отраслям, и из пепла МГБ и МВД возник Комитет Государственной безопасности при Совете министров СССР. Государственные комитеты в это время делились на Комитеты Совета министров и Комитеты при Совете министров. Предлог «при» означал, что это, по существу, межведомственный комитет, реально подчиняющийся ЦК КПСС, а не Совету министров, Совет министров осуществлял лишь финансирование его работы. (Такой

же статус имеют Госцензура (Главлит) в форме Комитета по охране государственной тайны в печати при Совете министров СССР, Госкомитет по кинематографии и ряд других.)

В новом правительстве на руководящие посты в сельскохозяйственных министерствах (заготовок и сельского хозяйства) были назначены сторонники Хрущева Л. Корниец, В. Мацкевич, министр совхозов А. И. Козлов, когда-то поддерживавший Маленкова против Хрущева, был отправлен в Северный Казахстан на пост директора совхоза. Министром обороны стал маршал К. Жуков, что сразу придало армии необходимый престиж и авторитет в правительстве. Жуков быстро провел решительные перемены в руководстве армией (десять военных были повышены в звании до маршала).

Только после всех этих изменений, занявших после смерти Сталина почти два года, можно было сказать, что Хрущев действительно пришел к власти в стране.

Глава 6

Первая попытка сельскохозяйственного «чуда»

Пленум ЦК КПСС в сентябре 1953 года создал много экономических и организационных предпосылок для постепенного развития сельского хозяйства СССР. Однако плохой урожай и отсутствие каких-либо условий для того, чтобы 1954 год стал годом резкого подъема экономики (недостаток удобрений, кормов и техники), заставляли Хрущева думать о том, каким образом можно было бы добиться действительно коренного перелома в сельскохозяйственном производстве. Дефицит продуктов питания в стране был слишком большим, чтобы даже 10 % годового прироста продукции сельского хозяйства могли повлиять на снабжение продовольствием городского населения, которое к тому же быстро увеличивалось. Кроме того, развитие промышленности, средств сообщения и транспорта, а также изъятие из колхозов всех доступных излишков, привели к тому, что жители деревень, о снабжения продовольствием которых ни в 1913, ни в 1927, ни даже в 1935 году никто не заботился (они сами мололи зерно на мельницах, пекли хлеб, делали сливки, сметану, резали скот и т. д.), теперь, в 1953 году, предпочитали приезжать в ближайшие города и рабочие поселки и покупать там хлеб, масло, мясо и прочие продукты. До 1947 года существовавшая в стране система rationирования продуктов и продажи в магазинах определенных норм только по специальным продовольственным карточкам для рабочих и служащих просто не позволяла крестьянам покупать продовольствие в городах. После 1948 года это стало возможным, и в трудные годы, когда правительство слишком много вывозило из колхозов, не считаясь с их собственными нуждами, крестьяне доставали продукты в городах или получали их оттуда посылками по почте от родственников и друзей, ведь почти у каждой деревенской семьи были там родные, знакомые или просто земляки. Ограничительные меры (запрет посылать продовольствие из крупных городов по почте и другие), не давали результата. Создавалось такое положение, что город должен был кормить еще и деревню, что почти все продовольствие должно было быть товарным и поступать в продажу. Натуральная система хозяйства, которая еще до войны позволяла правительству заботиться о снабжении продуктами лишь городского населения, уходила в прошлое. В индустриально развитой стране продовольствия должно быть в достаточном количестве и оно должно быть доступно для всех, но достигнуть такого уровня СССР мог лишь за много лет постепенного развития. Для того чтобы приблизиться к странам Западной Европы или к США по обеспеченности населения продуктами питания, следовало увеличить производство зерна не менее чем в два раза, а производство мяса в три раза, производство птицы и яиц в четыре-пять раз. Чтобы восстановить традиционный для России экспорт продовольствия, эффективность сельскохозяйственного производства должна была быть увеличена еще значительно. Продовольствие было важным фактором не только внутренней, но и активной внешней политики в развивающихся странах (Индия, арабский мир, Африка, Индонезия). Эти бедные страны выходили из колониального подчинения и поэтому представляли собой наиболее удобную площадку для расширения сферы влияния социализма.

Медленный и к тому же зависящий от погоды подъем сельского хозяйства не создавал предпосылок для активной внешней и внутренней политики, и в дополнение к экономическим преобразованиям, утвержденным сентябрьским пленумом, Хрущев в 1954 году начал активно реорганизовывать традиционную структуру сельского хозяйства в СССР в двух направлениях: путем быстрого освоения миллионов гектаров целинных и залежных земель на востоке и юго-востоке страны и путем более широкого внедрения кукурузы как зерновой и кормовой культуры.

Первые неудачи и успехи в освоении целинных земель

В сентябре 1953 года, когда проходил пленум ЦК КПСС по сельскому хозяйству, стало ясно, что урожай 1953 года будет плохим. Действительно, в 1953 году общее производство зерна в стране (в расчете на одного человека) было ниже чем в 1913 году, а государственные заготовки товарного зерна составили около 36 млн тонн – на 2,5 млн меньше, чем в 1940 году. Естественно, что Хрущев и его ближайшие советники начали думать о возможности значительного расширения посевных площадей в 1954 году, так как никакими мерами обеспечить повышение урожаев на плохо удобряемых «старопахотных» землях в течение одного года или даже двух лет было, конечно, нельзя.

Впервые вопрос о значительном расширении посевных площадей на востоке страны обсуждался неофициально уже на пленуме. Все понимали, что только распашка больших территорий может дать быстрый результат в увеличении производства зерна. И было бы ошибкой не использовать эту возможность.

В 1953–1954 годах в СССР имелось еще очень много неиспользуемых или мало используемых земельных массивов, пригодных для сельскохозяйственного освоения. Только в восточных районах РСФСР и Казахстана было более 40 миллионов гектаров целинных и залежных земель, сенокосов и пастбищ. Чтобы начать их использование уже в 1954 году, нужны было действовать быстро. В январе 1954 года Хрущев составил для Президиума ЦК КПСС специальное предложение о проведении в стране широкой кампании по сельскохозяйственному освоению целинных и залежных земель. По его рекомендации VII Съезд КП Казахстана принял постановление о развертывании в республике массового освоения целинных земель для производства зерна. На совещаниях работников МТС и передовиков сельского хозяйства в Москве в феврале 1954 года предложение Хрущева получило широкую поддержку. И уже в марте 1954 года пленум ЦК КПСС принял по его докладу специальное постановление «О дальнейшем увеличении производства зерна в стране и об освоении целинных и залежных земель». Согласно этому постановлению, в 1954–1955 годах следовало освоить не менее 13 млн гектаров новых земель и получить с них в 1955 году около 20 млн тонн зерна¹⁰.

Весной и летом 1954 года по всей стране была развернута большая подготовительная работа по выполнению постановления. Через комсомольские организации в Северный Казахстан и на Алтай, в южные районы Сибири и Урала поехали 300 тысяч добровольцев. Было организовано и переселенческое движение, не только из деревень, но и из городов. Эшелоны с десятками тысяч семей отправлялись в новые районы. Здесь быстро построили сотни поселков, временные палаточные городки, дороги, склады, помещения для хранения и ремонта техники. На больших пространствах были созданы сотни новых гигантских совхозов, получавших иногда сразу несколько десятков тысяч гектаров земли. Сюда же отправлялась почти вся сельскохозяйственная техника, сходявшая с конвейеров заводов. В МТС, обслуживавшие колхозы новых районов, и в совхозы уже к началу полевых работ 1954 года доставили около 50 тысяч тракторов (в условном 15-кратном исчислении мощности), более 6 тысяч грузовых автомашин и много другой техники. Всего в 1954–1955 годах в новые районы поступило около 200 тысяч тракторов¹¹.

Планы освоения целинных земель были перевыполнены уже в 1954 году – было распашано около 19 млн гектаров земли. В 1955 году – еще дополнительно 14 млн гектаров¹². Но распашка земли в 1954 году еще не означала, что все эти площади засеивались пшеницей. Посевы

¹⁰ КПСС в резолюциях... Ч. 3. 1954. С. 661.

¹¹ Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. М., 1972. С. 145.

¹² Народное хозяйство СССР в 1956 г. М., 1957. С. 127.

производились весной на ограниченных площадях, распашка же земли (в основном степные районы) проводилась и в течение лета и ранней осени для подготовки земли к посеву 1955 года. В целом по стране за урожайный 1954 год производство зерна увеличилось на 10 млн тонн¹³. Но большую часть этого прироста обеспечили старые сельскохозяйственные районы. Разработка целинных массивов еще только начиналась, и с них было получено пока очень мало, не более 3 млн тонн зерна. Надежды на новые районы были связаны с 1955 годом, когда здесь засеяли около 30 млн гектаров новых земель.

Но 1955 год случился резко засушливым именно на востоке страны. Почти все посевы яровой пшеницы на целинных землях погибли. Десятки тысяч людей, приехавших в эти районы на постоянное жительство, стали уезжать обратно. К тому же для жизни зимой условий здесь еще не было, и снабжение этих районов продуктами питания и другими товарами не было налажено. Для Хрущева такой результат был огромным разочарованием и неудачей. К тому же Маленков, Каганович и Молотов стали открыто критиковать его за авантюру с использованием методов «скачка». На обсуждениях в ЦК КПСС открыто говорили, что если бы все огромные средства и техника, не принесшие за два года никакого эффекта на востоке, были бы направлены в традиционные районы земледелия (средняя полоса, Украина, Северный Кавказ, Дон, Поволжье), то это дало бы намного больший результат. Оппозиция Хрущеву в ЦК усилилась, его противники требовали прекратить бесполезные вложения средств в сельскохозяйственное освоение востока СССР и перебросить оттуда и технику и людей в западные и южные районы.

Положение Хрущева как Первого секретаря ЦК КПСС стало действительно неустойчивым. После его «секретного» доклада на XX Съезде КПСС в ЦК КПСС возникла и сильная тайная оппозиция Хрущеву. Однако он настаивал на продолжении сельскохозяйственного освоения целины и требовал еще большего расширения новых площадей. Решающим для судьбы и целины и самого Хрущева был 1956 год. При повторении неурожая 1955 года его смещение с поста было практически неизбежным.

Но 1956 год оказался для целины на редкость удачным. Летом на востоке прошло много дождей, а в западных районах страны было засушливо. Целинные земли не нуждались в удобрениях – запасы всех питательных веществ в почве были еще велики. Пшеница на многих миллионах гектаров целинных земель дала небывалый в советской истории урожай. Н. С. Хрущев, как победитель, объехал на машинах, облетел на самолетах и вертолетах почти все восточные районы, а также здесь побывали сотни партийных руководителей. По СССР в целом собрали около 125 млн тонн зерна – рекордная цифра за всю историю страны, причем больше половины было получено именно в новых районах целинных земель – 63 млн тонн. Только в Казахстане урожай составил более миллиарда пудов (около 16 млн тонн) – больше, чем вся Украина. Без целины 1956 год стал бы почти голодным.

Это был большой личный успех Хрущева и его сторонников. К сожалению, неожиданно огромный урожай на целине также создал много проблем. Несмотря на срочную переброску комбайнов и другой техники с запада (вместе с механизаторами), все же не весь выращенный урожай удалось убрать до зимы, и часть зерна осыпалась. Не все собранное зерно удалось сохранить, так как не было достаточно складов и навесов. Не все зерно, которое удалось сохранить, смогли вывезти в основные потребительские районы: не хватало людей, машин, зерносушилок, элеваторов и дорог. И не все зерно, которое шло с востока на запад, было доставлено, так как еще не было в нужном количестве свободных железнодорожных вагонов, оборудованных для перевозки зерна, и много зерна терялось по дороге. Но все это были проблемы успеха, и эйфория от сельскохозяйственного «чуда» была в конце 1956 года слишком сильной, чтобы обращать внимание на ряд неудач. Казалось, что все беды страны в сельском хозяйстве уже позади.

¹³ Народное хозяйство СССР в 1958 г. Статистический ежегодник ЦСУ. М., 1959. С. 436.

«Кукурузная революция»

Земледельческое освоение восточных районов, по мнению Хрущева, должно было в первую очередь решить проблему зерна. Места эти не были достаточно заселенными и поэтому новые совхозы не могли планировать здесь многостороннего земледелия, а только монокультуру пшеницы с высоким уровнем механизации всех работ и с переброской людей с запада и из городов для временных сезонных работ. На будущее, конечно, ставилась задача полноценного освоения и заселения этих районов, но на это могли уйти многие годы. Стране же нужно было резко увеличить производство не только зерна, но и продуктов животноводства. Для этого следовало ориентироваться на старые сельскохозяйственные районы. Главным тормозом в развитии там животноводства был недостаток кормов. И Хрущев, и его советники по сельскому хозяйству (особенно важную роль играл А. С. Шевченко, его помощник по сельскому хозяйству еще со времен работы Хрущева секретарем ЦК Украины) хорошо знали, что в США именно кукуруза является основной кормовой культурой и с увеличением ее производства было связано в США быстрое развитие животноводства. Уже с 1955 года Министерство иностранных дел СССР ввело при большинстве посольств СССР должность «сельскохозяйственного атташе», и по этой линии в ЦК КПСС и в сельскохозяйственных министерствах скапливалось много информации и предложений о различных реформах. Кроме того, в США и в другие страны посылались сельскохозяйственные делегации и экскурсии, которые возглавляли министры сельского хозяйства или их заместители.

На кукурузу в СССР возлагались большие надежды еще в прошлые годы, но эти проекты не были осуществлены. После голода в Поволжье в 1920–1921 годах Ленин предлагал расширить на юге посевы кукурузы. В тридцатых годах большие успехи США в генетике кукурузы и внедрение в производство высокоурожайных межлинейных гибридов, резко повысивших ее производство, стали предметом острых споров между группой Т. Д. Лысенко и представителями классического направления в генетике, которое возглавлял Н. И. Вавилов. Он считал успех в повышении урожая кукурузы в США наиболее ярким доказательством прикладной ценности генетики и предлагал внедрять этот метод в СССР и расширять посевы кукурузы на юге. Лысенко старался игнорировать новые методы семеноводства кукурузы как коммерческую пропаганду капиталистических фирм и считал межлинейную гибридизацию вредной для «биологии» растений¹⁴

¹⁴ См. подробно: *Medvedev Zh. The Rise and Fall of T. D. Lysenko. Columbia Univ. Press, 1969.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

По ряду свидетельств, практически всех сотрудников центральных управлений МВД на площади им. Дзержинского армейские группы арестовали прямо в кабинетах. Некоторых наиболее известных и считавшихся опасными помощников Берии расстреляли на месте, а тела вывезли за город и закопали.